

Марина
СЕРОВА

Русская мышеловка

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Русская мышеловка

«Научная книга»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Русская мышеловка / М. С. Серова — «Научная книга»,
2017 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-090241-5

Все как в классическом английском детективе: маленький отель, затерянный в Альпах, снегопад, обрывающий связи с цивилизацией, и разношерстное общество, где каждый не тот, за кого себя выдает. Женя Охотникова приехала сюда на каникулы отдохнуть от криминальных российских будней и, конечно, сразу угодила в водоворот. Ее собственный нож в теле первой жертвы, по радио объявляют о поисках международного афериста, Интерпол интересуется русскими торговцами оружием, работающими под прикрытием, – прощай спокойствие, здравствуй Новый год!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090241-5

© Серова М. С., 2017
© Научная книга, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Русская мышеловка

© Серова М. С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Труп выпал на меня из шкафа утром тридцать первого декабря. Тридцать первого!

Пусть у меня несколько необычная для женщины профессия – это слишком даже для меня. Но давайте по порядку. Меня зовут Евгения Охотникова, я телохранитель. За плечами у меня элитное учебное заведение не самого привычного профиля, служба в отряде специального назначения «Сигма», несколько рейдов в горячие точки и множество спецопераций.

Самое поразительное, что, несмотря на крепкие нервы, отличную физическую подготовку и весь свой опыт, я отреагировала как обычная женщина – зажмурилась и попыталась затолкать труп обратно. Как будто стоит закрыть дубовую дверцу шкафа, и проблема, то есть покойник, исчезнет.

Конечно, никуда он не исчез. Наоборот, прибавилась еще одна неприятность: у трупа отвалилась рука. Холодная, твердая, как деревяшка, она осталась в моей ладони, а покойник ничком повалился на ковер с оригинальным рисунком на темы медвежьей охоты. В этот момент я почувствовала, что с меня хватит. В глазах потемнело, я отшвырнула руку, которая с громким стуком ударилась о паркет, не закрытый ковриком, а я прислонилась к стене, дыша ртом и с трудом сдерживая тошноту.

Меня немного извиняет то, что я находилась не в лучшей форме. Буквально несколько дней назад я закончила дело, потребовавшее максимального напряжения. Честно говоря, когда я соглашалась присмотреть за очаровательными юными близняшками, племянницами одного банкира, никто и подумать не мог, насколько опасным окажется это дело. Признаться честно, я едва не погибла. Нервы истрепаны, да и физически я вымоталась до предела. Доктор, который осматривал меня, когда нас извлекли из-под завалов после взрыва здания, сказал: «То, что обошлось без серьезных травм, еще ничего не значит. Вы потратили себя полностью, как разряженная батарейка. Теперь, прежде чем браться за работу, нужно восстановиться. Иначе вас ждет нервный срыв, Евгения! Дайте себе отдых. Поезжайте куда-нибудь, смените обстановку. Свежий воздух, солнце, покой. И не спорьте».

Я и не собиралась. Отдых был мне необходим уже давно, но знаете, как это бывает, – дела, дела... Тут очень кстати пришел чек от одного из моих постоянных клиентов. В прошлом наш соотечественник, сейчас этот человек живет в Швейцарии. Совершенно отошел от криминальных дел и теперь с чистой совестью занимается любимым делом – он заводчик помешанных шпидцев.

Его благодарность выразилась в достаточно крупной сумме. Чек я приняла; в конце концов, деньги для него ничто, а я, между тем, действительно помогла ему выпутаться из крупных неприятностей. К чеку прилагался совет провести недельку-другую в Швейцарских Альпах. Мой знакомый даже рекомендовал небольшой уютный отель «Шварцберг». В письме шла речь о солнце, свежем воздухе и душевной семейной атмосфере. Словом, именно то, что доктор прописал.

Почему бы и нет? Я решила, что это судьба. Мечтала, как буду нестись на лыжах по чистейшему пушистому снегу. Больше всего меня соблазнила идея встретить Новый год вдали от городского шума, в тихом, спокойном месте. Ведь всем известно: как встретишь Новый год, так его и проведешь.

Может быть, я стала уставать от работы телохранителем, от непредсказуемой жизни, полной приключений, о которых я не просила? Может, это возраст дает о себе знать? Первые звонки старости, до которой мне еще далеко?

Отель высоко в горах, ни одного знакомого лица, да и вообще ни одного соотечественника! Никаких разговоров о политике! Никаких дел, забот и тревог. Ха-ха!

Труп с отвалившейся рукой никак не вписывался в радужную картину каникул.

Я стиснула зубы. Соберись, Охотникова! Не время раскисать. Нужно разбираться с делом, которое навалилось, точнее, вывалилось из шкафа. Давай, Женя, включай свой интеллект, опыт и профессиональные навыки. А ты падаешь в обморок и пытаешься затолкать труп обратно в шкаф, как последняя блондинка. Прощай, логика, здравствуй, паника.

Помогло. Голова уже не кружилась, пелена перед глазами исчезла. Мозг заработал и принялся анализировать ситуацию.

Итак, что я слышала? Звук, с которым рука ударилась о паркет, ясно давал понять, что все еще интереснее, чем на первый взгляд. В два шага я пересекла комнату. Ага! Без малейших признаков отвращения я подобрала руку и с интересом принялась разглядывать. Неудивительно, что она такая жесткая и холодная, а пальцы сведены вместе, как для рукопожатия. Это протез. Пластиковый протез телесного цвета. Дешевый такой грязно-розовый пластик.

А теперь что я вижу? Я подошла к телу и перевернула его на спину. С этим человеком мы знакомы. Естественно, я не знаю его паспортных данных, даже не имею понятия, кто он такой. Но вчера вечером в баре он пытался завязать со мной знакомство и успел назвать себя. Саша. Еще я знала, что он остановился в номере два. Про себя я его окрестила липким типом из второго номера.

В отеле «Шварцберг» был маленький, но неплохой бар. В день приезда я неосторожно спустилась выпить перед сном в надежде, что это поможет расслабиться и отогнать навязчивые ночные кошмары. Увы, этот Саша испортил мне все удовольствие. Каким-то образом он выведал у хозяина, что в отеле остановилась русская, и решил завязать знакомство. Поскольку я еще не успела испытать ностальгию по родной стране и соотечественникам, я вежливо, но твердо отшила навязчивого земляка и отправилась спать. На часах было девять.

А поскольку заснула я рано, как говорит моя тетя, с курами, то и проснулась, понятно, с петухами. Хотя какие здесь, на высокогорье, петухи. Я встала задолго до рассвета, прошлась по террасе, которую кто-то уже успел расчистить от выпавшего за ночь снега. Подышала чистым ледяным воздухом, полюбовалась горной вершиной, выступавшей из мрачной зелени еловых лесов. Потянулась, сделала несколько упражнений тай-чи, чтобы окончательно проснуться. Подумала, что мысль приехать сюда была просто отличной и что надо бы послать открытку с местными видами заводчику померанских шпицев. Потом поняла, что замерзла. Вернулась в номер, открыла шкаф, чтобы взять свитер... Все, конец беззаботным каникулам.

Отель, пусть даже и высоко в горах, нельзя назвать полностью отрезанным от цивилизации. Канатная дорога ведет сюда из долины, внизу на склоне горы, примерно в часе пути, есть деревушка Брокенхерц, а у подножия горы – городок, похожий на пряничный замок. В отеле, само собой, имеются телефон и Интернет. Сейчас завертится полицейская канитель, и я окажусь в центре очередного дела об убийстве. Это как раз то, от чего я сбежала из родного Тарасова в здешнюю глушь.

Ладно, что толку переживать. Полная опасностей жизнь приучила меня не лить слезы по пролитому молоку. Случившееся не изменить, остается только минимизировать потери.

Интересно, что делал этот Саша в моем шкафу? Залез туда, чтобы удивить девушку, выскочить с криком «сюрприз-и-из», а сердечко не выдержало? Все-таки смена климата, высокогорье.

Увы, версию о естественной кончине незадачливого ухажера я отвергла быстро. В районе печени на свитере покойного виднелся характерный порез с бурым пятном. Делаем вывод: однорукого убили ударом ножа, причем тот, кто это сделал, свое дело знал. Смерть была мгновенной, крови вытекло мало.

Чем же это его? Я осмотрела шкаф и немедленно обнаружила орудие убийства. Надо сказать, увиденное мне чрезвычайно не понравилось. Дело в том, что окровавленный нож принадлежал мне. Элемент моего снаряжения, один из предметов минимального набора, который я беру с собой в любую точку мира. Ничего особенного, у любого бойскаута можно найти

игрушки серьезнее. Но мои специфические навыки позволяют и с таким подручным инструментом достигать результата. Влезть по стене? Легко. Открыть непослушный замок? Пожалуйста. Защитить себя и тех, кто рядом? Попробуем, где наша не пропадала.

Это что же получается? Кто-то забрался в мой номер, взял нож (естественно, ознакомившись попутно с прочими моими штучками) и совершил убийство прямо у меня под носом? Точнее, над моим сладко спящим телом? Вчера, когда я поднялась в номер, Саша был еще жив. Я сама видела, как он переключил внимание с меня на рыжеволосую дылду-норвежку. Получается, однорукого убили этой ночью в моем номере, а я даже не проснулась? Да, Охотникова, тебе точно пора подлечиться.

Я присела рядом с телом и произвела внимательный осмотр. Убитый был жилистым сухощавым мужчиной. Возраст – от сорока пяти до пятидесяти. Черты лица славянские, глаза голубые, но кожа загорелая, выдубленная солнцем и ветром, причем не только на лице. Вывод: этот человек приехал из жарких мест. Такой загар приобретают не на горнолыжных курортах. Одежда убитого – джинсы и серый шерстяной свитер – была совершенно новой, на изнанке свитера обнаружился ярлычок, еще не потемневший от носки. Ботинок на трупе не было. Что, разулся перед тем, как прокрасться в мой номер под покровом ночи? Или мирно лежал в собственной постели, где и был убит неизвестным злодеем, а ко мне в шкаф попал уже потом? Слишком мало информации, чтобы делать выводы.

Продолжение осмотра дало еще кое-что интересное. На груди покойника имелась выцветшая бледно-голубая татуировка «Панджшер, 1985».

Все понятно, этот человек когда-то воевал в Афганистане. Ничего удивительного здесь нет, бывших афганцев, «шурави», как они сами себя называют, разбросало по свету. Станным кажется другое. Этот Саша одет явно небогато. Да, знаю, в наши дни никто из состоятельных людей не расхаживает с бриллиантовыми перстнями, тем более в Европе. Но одежда убитого была отчаянно дешевой и вдобавок совершенно новой. Да и протез... Человек, у которого есть хоть какие-то средства, приобрел бы себе что-нибудь более приличное и удобное. Среди моих друзей есть ветераны горячих точек, получившие увечья. Так вот, первым делом ребята стараются обзавестись протезами достойного качества – от этого зависит качество жизни. А у Саши – пластиковая дешевка.

Как человек с такой дешевкой и в такой одежде мог позволить себе снять номер в «Шварцберге»? Конечно, этот горнолыжный курорт не так знаменит, как Церматт или Гриндевальд, но и одна ночь в этом заведении стоит... ладно, не буду говорить сколько. Нет, «Шварцберг» явно не мог быть по карману однорукому афганцу.

Одежду на трупе я привела в порядок, тщательно застегнула все пуговицы и молнии. Потом придвинула кресло и уселась подумать. От того, насколько успешным будет этот мыслительный процесс, зависит многое. А решение, которое я приму, определит мое собственное ближайшее будущее.

Труп появился в моем номере не случайно. Человека, о котором я знаю только то, что его зовут Александр (или он предпочел так называться, а на самом деле он, к примеру, Абдула), убили моим ножом и оставили в моем шкафу. Сейчас четыре утра, за окном непроглядная темень. До рассвета несколько часов. Не знаю здешних порядков, не успела пока ознакомиться, но горничная придет убирать мой номер, допустим, в десять. Завизжит, поднимет шум. Хозяин – лысый коротышка по имени Альдо – позвонит в участок в городке под горой, оттуда пришлют полицейских. И моему отдыху конец.

Но не это самое неприятное, а то, что убийство афганца попытаются повесить на меня. А что? Одинокая русская туристка, без спутника, почти без багажа, одета небогато. Будь у меня в ушах брюлики, в руках десяток чемоданов и в придачу белая собачка под мышкой, никто не стал бы покушаться на мою свободу. Такая русская девушка ясно дает понять: за ее спиной стоит богатый мужчина, который сам в состоянии устроить кому угодно неприятности

планетарного масштаба. А я что? Из-за высокого роста – во мне метр восемьдесят – меня иногда принимают за модель. Но сейчас я и на модель не тяну: бледна до зелени, под глазами темные круги, словом, типичная подходящая жертва.

Как ни странно, я не чувствовала в эту минуту ни малейших признаков слабости или плохого самочувствия. Все, что я ощущала сейчас, – чистейшая ярость. Кто-то хочет меня подставить? Что ж, ему придется об этом пожалеть, и очень скоро. Женя Охотникова – это серьезно.

Приняв решение, я немедленно начала действовать. Разыскала в шкафу черную кофту с капюшоном, надела, застегнула молнию. Достала из косметички лосьон для кожи и ватные диски и принялась тщательно протирать все, к чему прикасалась на трупе: пуговицы, протез...

Спирт прекрасно растворяет кожный жир. Спустя десять минут никто бы не обнаружил на убитом ни единого моего отпечатка. Тело Александра лежало на полу, один глаз приоткрылся и смотрел на меня. Кое-как я приспособила протез на место.

– Слушай, прости, а? – попросила я бывшего афганца. – У меня просто нет выбора. Понятия не имею, кто тебя убил и что вообще здесь происходит. Не могу себе позволить сесть в швейцарскую тюрьму, пусть даже там неплохо кормят и водят в спортзал. У меня старенькая тетя. И люди, которые на меня рассчитывают. Мне нужно вернуться домой, понимаешь? Так что извини, друг, сейчас мы с тобой совершим небольшое путешествие.

Я натянула капюшон и пару кожаных перчаток (лучше бы резиновые, но где их взять), распахнула дверь и выглянула в коридор. Отель спал, до рассвета оставалось около трех часов. Я подхватила убитого под мышки и выволокла в коридор, стараясь не шуметь. Вот будет картина, если меня застукают!

Саша был худым и жилистым, но все равно через три минуты я задыхалась. Пот заливал глаза, в груди нехорошо свистело. Честно говоря, двигалась я сейчас на одном адреналине. Стащила труп по крутой и узкой лестнице, дотащила до бара, усадила в дальнем углу на высокий табурет. Голова и руки убитого легли на барную стойку. Теперь у Саши был вид постояльца отеля, который слегка перебрал горячительного.

Я перевела дыхание. Вот, кажется, и все. Совсем скоро сюда придут хозяин или кто-то из служащих. Труп обнаружат. Поднимется тарарам, явится полиция. Только ко мне это уже не будет иметь ни малейшего отношения. Русскую туристку разбудит вежливый швейцарский полицейский. Заспанная дама станет таращить глаза, ахать и восклицать: «Какой кошмар! А мне говорили, что у этого отеля прекрасная репутация!»

В последний раз я бросила взгляд на тело, взгромоздившееся на табурете, и тихонько поднялась к себе в номер. Закрыла дверь, привалилась к ней спиной. Уф, кажется, получилось!

Потом я отправилась в ванную и тщательно вымыла нож. Что ж, с этой полезной вещью придется расстаться. Держать ее у себя в номере слишком опасно. Ничто не должно связывать меня с убитым, тем более оружие убийства.

Я открыла окно, глубоко вдохнула морозный воздух, размахнулась хорошенько и бросила нож далеко в снег. Серебряной рыбкой он сверкнул мне на прощание и утонул где-то далеко в стороне от протоптанной тропы. Теперь, если не знать, где искать, шансы наткнуться на него близки к нулю. А если все-таки полиция примется разыскивать оружие убийства, им придется подождать до весны. Ладно, предположим совсем невероятное: полиция разыщет нож. Все равно ничто не будет указывать, что его владелицей была я. Я еще раз глубоко вдохнула и закрыла окно.

Одна из множества полезных вещей, которым меня научили в «Сигме», – не позволять противнику навязать тебе свой сценарий. Именно это я только что сделала – сломала навязанную мне схему и пустила события по другому руслу. Будущее многовариантно. Все смотрели фильм о Терминаторе? Что там вырезала ножом на столе Сара Коннор? «Нет судьбы». С этим

я полностью согласна. Будущее – это то, что мы творим в каждую минуту настоящего. А у меня, кажется, все получилось.

С этой мыслью я тщательно вымыла руки, разделась и легла в постель. Вполне еще можно поспать пару часов до завтрака.

Проснулась я поздно. Немного полежала, жмурясь на яркое зимнее солнце. До чего же удобная кровать, куда там моему тарасовскому диванчику-раскладушке. Наконец я села и рывком сбросила одеяло. Вспомнила, что случилось до рассвета. Mamочки, да что же я сплю, как ленивая кошка! Я должна быть внизу и вместе с остальными постояльцами принимать деятельное участие в суете вокруг покойника.

Наскоро приведя себя в порядок, я спустилась по тем самым ступенькам, по которым несколько часов назад волокла убитого афганца. Пришлось заставить себя не бежать, а чинно шествовать, как и полагается человеку с чистой совестью.

В темноватой столовой было пусто, только хозяин, синьор Альдо Гримальди, сверкая лысиной, протирал стаканы белоснежным полотенцем. На Альдо были белая рубашка без галстука и красный вязаный жилет.

Я огляделась. Стойка бара находилась в конце зала. Высокие табуреты были расставлены в ожидании посетителей, но сейчас там никого не было. Включая моего дорогого покойника.

– Э-э, доброе утро, – пробормотала я, приближаясь к хозяину. Альдо вполне дружелюбно взглянул на меня своими кроличьими глазками и поинтересовался:

– Синьорина желает кофе? Или, может быть, полный завтрак?

– Только кофе, и покрепче. А где остальные постояльцы вашего замечательного отеля?

Хозяин поднял стакан, изучил его на просвет, кивнул с видом ювелира, только что удачно огранившего очередной алмаз, и принялся за следующий.

– Господа катаются на лыжах. Погода сегодня великолепная. Синьорина желает кататься?

Та-ак, судя по всему, неизвестный злоумышленник сломал мой собственный сценарий. Господа катаются на лыжах? Ясное дело, труп до сих пор не нашли. Интересно только, куда он подевался. Внезапно ожить, встать и уйти самостоятельно Александр точно не мог, уж в этом я разбираюсь. Значит, пока я спала и видела чудесные сны, кто-то прокрался в бар и похитил тело убитого. Зачем? Очевидно, чтобы отвести подозрения от себя, раз уж не удалось повесить это убийство на одинокую русскую туристку.

Судя по безмятежному виду, хозяин ни о чем не подозревает. Проявлять излишнее любопытство опасно: рано или поздно труп найдется, привлечь к себе ненужное внимание ни к чему. Значит, будем делать вид, что ничего не произошло. Будем пить утренний кофе и изучать обстановку.

Я улыбнулась хозяину.

– Не возражаете, если я осмотрю отель? Честно говоря, в день приезда я была настолько усталой, что толком и не разглядела ваш «Швацберг». А мне так интересно!

Хозяин просиял.

– Разумеется! Леон вам все покажет. Эй, Леон, иди сюда! Где ты прохлаждаешься?

За спиной хозяина возник подросток точно в таком же наряде: белая рубашка, вязаный жилет, мешковатые штаны. Единственным напоминанием о том, что XXI век уже наступил, были кроссовки Nike. Выражение лица у парня было вполне доброжелательным, правда, глаза оказались скошены куда-то к носу. Передние зубы торчали вперед, как у зайца. Брекеты тоже не добавляли привлекательности, так же как и очки, круглые, как у Гарри Поттера, только с толстыми линзами.

– Спасибо, я сама найду дорогу, – я попыталась было отстоять свою свободу. – Не стоит отвлекать Леона от его занятий.

Осмотреть территорию отеля мне нужно было не из любви к красивым видам. Прежде всего меня интересовал труп. Вдруг его просто перенесли в другое место? Совершенно ни к чему, чтобы за мной таскался хозяйский соглядатай. Да еще такой странный.

– Что вы, – просиял Альдо, – никакого беспокойства. Это обязанность Леона – знакомить гостей с нашими правилами. Будь добр, дорогой, покажи госте подъемник, кладовку, где хранятся лыжи, и все остальное.

Леон склонил лохматую голову.

– Пойдемте, синьорина, покажу вам канатную дорогу.

Протестовать было глупо, и я послушно отправилась следом за ним. Единственное, что мне удалось, – настоять на том, чтобы начать осмотр не с лыжной трассы, а с самого отеля. Роль любопытной туристки оказалась мне в итоге даже на руку – теперь у меня было полное право заглядывать во все потайные закоулки.

«Шварцберг» представлял собой старое, но еще очень крепкое строение из мореной сосны. Три этажа вмещали пятнадцать номеров. Подозреваю, что нога дизайнера по интерьеру никогда не ступала в эту обитель, и все же было в этом старом отеле какое-то очарование. Темный деревянный пол покрыт блестящим лаком, кованные светильники под старину льют теплый желтый свет. На коврах сцены охоты в духе примитивистов, а в номерах, к счастью, ни единой картинкой с пошлыми видами – ни коров на зеленых лугах, ни веселых детишек, ни собачек.

И правильно. Зачем украшать интерьер картинками, если достаточно выглянуть в окно, и перед глазами предстанет величественная и жутковатая картина – круто уходящий вниз склон горы, нитка подъемника, сверкающие на солнце опоры канатной дороги и темные суровые ели на горизонте. На самом деле они громадные, но отсюда кажутся небольшими. И всюду, куда ни бросишь взгляд, – снег, снег, снег. А здесь, внутри, уютно и безопасно: толстые стены, надежные окна, плотные занавески, которые так приятно задернуть наглухо, когда снаружи метель.

Признаюсь, «Шварцберг» меня очаровал. Такой уютный, такой нарочито старомодный! Да, синьору Гримальди не откажешь в чувстве стиля и отменном вкусе. Интересно, чем хозяин занимался раньше? Или всю жизнь провел на высоте двух тысяч метров над уровнем моря?

Я просила проводника показать то одно, то другое. Мой энтузиазм оказался заразительным, и постепенно мой спутник, бормотавший поначалу заученный текст из рекламного проспекта о горячей воде и ортопедических кроватях, воодушевился. Теперь он уже с азартом распахивал передо мной очередную дверь. С дикцией у мальчика в самом деле были проблемы, роль гида, скажем прямо, подходила ему не слишком. К счастью, я не особенно нуждалась в его пояснениях.

Итак, что же я выяснила. Отель стоит на склоне горы, довольно крутом, под защитой двух громадных скал. Называются они Пальцы дьявола и представляют собой подобие буквы V, или «козы», которую показывают на рок-концертах. Пальцы укрывают здание от ветра. Фундамент отеля, надо же, врезан в скалу.

Выяснив эти удивительные подробности, я упростила Леона провести меня в подвальное помещение. Особенно заинтересовала меня кладовая.

– Давай, дружок, покажи, где у вас хранятся припасы!

Устоять перед моим напором было трудно, и мой провожатый послушно открыл тяжелую дверь из почерневшего дерева.

Что ж, господин Гримальди наверняка немало сэкономил на холодильнике. Здесь было чуть ниже нуля, от дыхания курился слабый пар, а гранитные стены были покрыты легкой изморозью. Длинные ряды коробок с консервами и полки, уставленные продуктами, внушали надежду, что, даже если на «Шварцберг» опустится лавина, голодная смерть его обитателям не грозит.

Винтовая лестница вывела нас наверх. Леон провел меня по всем трем этажам маленького отеля. Разумеется, комнаты были закрыты, и выяснить, не спрятан ли там труп, не представлялось возможным. Зато все остальное я тщательно осмотрела, даже вышла на террасу. Вид оттуда, надо признаться, открывался умопомрачительный, разве что несколько мрачноватый.

Наконец я поняла, почему «Шварцберг» не так популярен, как отели и пансионаты Гриндевальда. Несмотря на солнечный день, этот вид никак нельзя было назвать открыточным. Голые черные скалы, между которыми проложена лыжная трасса. Чуть в стороне трасса для сноубордистов и саночников. На снегу там копошились фигурки в ярких куртках. Обе трассы, и лыжная, и саночная, уходили в мрачную зелень леса. Оттуда тянулась нитка подъемника, которая обрывалась на площадке для горнолыжников.

Яркие желтые кабинки медленно ползли по тросу, отсюда казавшемуся серебристой паутинкой. Канатная дорога держалась на столбах, похожих на опоры ЛЭП. Впечатление было таким, что очередному порыву ветра ничего не стоит оторвать хрупкие желтые капсулы и сбросить их вниз, в снег.

Конечно, я знала, что подъемник вполне надежен. Именно таким способом я прибыла в «Шварцберг», да, собственно, другого и не существовало. Сюда не ездили автобусы, не ходили поезда, не летали самолеты. Пилоту вертолета, которому вздумалось бы посадить винтокрылую машину на этом склоне, тоже не позавидуешь. В день приезда таксист просто высадил меня на стоянке у подъемника и укатил, а я купила билет в один конец и забралась в кабинку.

Интересно, что подъемник работал не всегда, а только когда находились желающие подняться или спуститься. Поступал сигнал, техник включал рубильник, начинали вращаться гигантские барабаны, и вот уже тросы скользят над крахмальными сугробами и кабинка раскачивается на ветру, возвещая прибытие очередного гостя во владения Альдо Гримальди.

На площадке, откуда начиналась лыжная трасса, сейчас суеилось что-то слишком много людей. Надо же, а ведь заводчик померанских шпицев уверял, будто «Шварцберг» – необычайно уединенное место, малолюдный отель, и я склонна была ему верить. Здесьние трассы, скажем прямо, сложны для неподготовленных сноубордистов и лыжников, а у подготовленных имеются свои накатанные места. Да и уровень комфорта в «Шварцберге», что бы там ни думал о себе господин Гримальди, на пять звезд не тянет. Горячая вода в номерах и ортопедические кровати – это прекрасно, кто спорит, но современного туриста этим не удивить. Природа же в окрестностях «Шварцберга» мрачновата, что и говорить. Да и заняться здесь, помимо катания, особенно нечем. Это значит, что из списка потенциальных гостей можно смело вычеркнуть семьи с детьми, влюбленные парочки, туристов старше пятидесяти и лыжников невысокого класса. Да и дорого здесь – никаким студентам не по карману. Получается, отель синьора Гримальди рассчитан исключительно на чокнутых экстремалов с солидным счетом в банке и нелюдимых мрачных сонь. Забавно – получается мой точный портрет!

Может быть, летом здесь все выглядит веселее, но пока в качестве музыкального фона хочется включить хорал, а вовсе не легкую музыку.

– Леон, у вас круглый год так много постояльцев? – Я кивнула на пестрые фигуры на снегу.

– Увы, синьорина. Обычно в «Шварцберге» много свободных номеров.

Название отеля в исполнении этого шепелявого юнца звучало как «Фварцберг».

– Серьезно? – Я продолжала изучать разноцветную компанию внизу. – Слушай, а тебе здесь не скучно? Ты школьник?

Леон с укоризной взглянул на меня:

– Школу я уже окончил. Сейчас помогаю дяде.

– О, так хозяин – твой дядя? Как мило.

Некоторое время я наблюдала, как он возится со своим смартфоном. Судя по мычанию, блеянию и жизнерадостному хрюканью, которые издавало это чудо техники, Леон играл во что-то вроде «Фермы». Бедняжка, не исключено, что школа, которую он окончил, была вспомогательной.

– Скажи, а кто сейчас проживает в отеле?

У такого типа стоит выведать как можно больше. Есть все шансы думать, что о нашем с ним разговоре не узнает никто из посторонних.

Со страдальческим видом Леон оторвался от игры и принялся перечислять:

– В номере первом – синьора Фаринелли с дочкой. Номер четырнадцать заказан для семьи, они еще не приехали. Номер шестой у вас. В девятом живут вон те трое.

Он кивнул на лыжников в одинаковых алых куртках.

– А остальные номера пустуют?

Мой собеседник идиотически улыбнулся.

– Спросите лучше у дяди Альдо, у него все записано в компьютере. А мое дело – выносить мусор, смазывать лыжи и следить, чтобы была расчищена терраса.

– Пойду-ка познакомлюсь с остальными гостями, – задумчиво протянула я, глядя на людей внизу. Кажется, все, кто там толпился, не столько катались, сколько фотографировались на фоне гор.

– Проводить вас? – оживился Леон. Бедняжка, как у него мало развлечений. Кажется, я начинаю подозревать, что дядя Альдо бессовестно эксплуатирует детский труд.

– Не надо, я не заблужусь. Спасибо за интересную экскурсию, Леон!

Он просиял и помахал мне, после чего снова погрузился в мир «Фермы». А телефончик у парня, между прочим, последней модели. Видно, любящий дядя все-таки не отказывает себе в удовольствии побаловать племянника.

Оставив мальчишку на террасе, я спустилась в номер. Так, ни малейших следов однорукого афганца в отеле не обнаружено. Тело исчезло бесследно. Усаживая покойника за барную стойку, я вовсе не планировала выбрасывать его как мусор. Моя задача состояла в том, чтобы всего лишь отвести подозрения от себя. Пусть полиция ищет настоящего убийцу, а не того, кого подлю подставили.

Что делать? Взвесив все резоны, я приняла решение выждать сутки. Если до этого времени тело не будет найдено, я сама обращусь в полицию. Можно позвонить в российское консульство, пусть они ищут пропавшего соотечественника.

А покамест я буду вести себя так, как полагается беззаботной туристке. Главное – сохранять бдительность и ни в коем случае не забывать, что убийца наблюдает за мной.

После того как решение было принято, я оделась как для лыжной прогулки, проверила экипировку и вышла на расчищенную площадку, откуда стартовали лыжники и сноубордисты.

– Добрый день, господа. Отличная погода! – Что ж, главная банальность произнесена, начало знакомству положено.

Оказалось, что из постояльцев «Шварцберга» в красных куртках здесь были только трое. При моем появлении они демонстративно отошли в сторону. Остальные оказались датскими студентами. Веселая компания остановилась в деревушке под нами, а сюда поднялась по канатной дороге.

Мы разговорились. Общительные ребята предупредили о коварных особенностях здешней трассы. Она считалась опасной, вдобавок на обратном пути мне предстоял подъем – придется ведь вернуться в отель. Конечно, можно съехать до деревушки Брокенхерц, там промежуточная станция подъемника. Тогда обратный путь не потребует никаких усилий – сиди себе в кабинке и любуйся видами. Но в первый же день не хотелось забираться так далеко, поэтому я просто скатилась, не слишком усердствуя, а обратно вернулась пешком по тропе. Подъем лесенкой – это для тех, у кого терпения побольше моего.

Всю первую половину дня мы со студентами провели, осваивая трассу. Вовсю светило солнце, воздух был кристально чист. На какое-то время я даже забыла об одноруком афганце, убитом в милом уютном отеле.

Трое постояльцев «Шварцберга» катались так себе и общались исключительно друг с другом. Не понимаю, зачем ехать на горнолыжный курорт, если еле-еле стоишь на лыжах? На свете множество пляжей, живописных оазисов и тому подобного.

К обеду погода резко испортилась, задул пронизывающий ветер. Лыжнику в комбинезоне ветер нипочем, но небо заволокло облаками, солнце скрылось, и вдобавок резко ухудшилась видимость: снизу из долины потек туман. Кататься в такую погоду просто опасно. Гогочущие датчане дружески помахали мне на прощание, набились в кабинку подъемника и отбыли в свою гостиницу в деревушке. Ничего не оставалось, как вернуться в отель, повесить комбинезон на просушку, переодеться и спуститься в столовую.

Постояльцы «Шварцберга» как раз собрались на обед. За окнами сгущались сумерки, хотя только-только перевалило за три. Кованым светильникам под потолком явно не под силу было разогнать мрак этого ненастного дня и царящее в столовой уныние. Может, все дело в том, что общество оказалось каким-то уж слишком пестрым. За длинным столом, кроме меня, сидели трое лыжников, норвежка, явно отличавшаяся завидным аппетитом, и две простоватого вида дамы.

Но нет, была еще одна особа. В дальнем углу я разглядела отдельный стол, за которым восседала самая большая из когда-либо виденных мною женщин. В элегантном платье, с высокой аккуратной прической, она казалась настолько неуместной в этой скромной гостинице, что хотелось протереть глаза и убедиться, что это не видение. Ожерелье из крупных камней переливалось на царственной шее, из-под стола выглядывали гигантского размера лодочки.

Напротив гранд-дамы ковырялась в тарелке анорексичного вида девица с угольно-черными волосами. Одета девушка тоже была в черное, так что мысль о какой-нибудь субкультуре напрашивалась сама собой. Итак, будем считать, что она из готов или, скажем, неовампиров. При мысли о вампирах я передернулась: не так давно пришлось пережить несколько неприятных минут на съемках подросткового сериала из жизни кровососущих. Девица почувствовала мой взгляд и довольно агрессивно уставилась в ответ. Ладно, деточка, расслабься, в данный момент меня не интересует ничего, кроме хорошо прожаренного бифштекса.

К сожалению, простоватые тетki опознали во мне соотечественницу – выдала надпись на толстовке. Обе придвинулись ближе и радостно застрекотали:

– Ой, а вы русская, да?

– Как хорошо, что мы теперь не одни! Хоть одно человеческое лицо.

– А то и поговорить не с кем, представляете?

– Только по-своему лопочут, – пожаловалась та, что была старше. – А Толик нам обещал, что здесь все по-русски говорят. Обманул, получается.

Я понятия не имела, кто такой Толик, и ни малейшего желания выяснять это не было. Пришлось сделать суровое лицо и сказать:

– Извините, я что-то устала. И потом, я здесь ненадолго, вам лучше поискать другую компанию.

Грубо, признаю. Но терпеть болтовню этих кумушек – нет уж, увольте. Лучше попасть под лавину – больше шансов выбраться живой и в своем уме.

У соотечественниц вытянулись лица. Мне стало жаль бедняжек, как-никак они не виноваты, что в Швейцарии говорят по-немецки, по-итальянски, по-французски, конечно, по-английски и еще на диалектах отдельных кантонов, а вот по-русски почему-то не очень. Чтобы сгладить собственную грубость, я кивнула в сторону царственной особы и ее готической спутницы:

– Может быть, они составят вам компанию? Боюсь, я все время буду кататься на лыжах. Вы ведь не катаетесь, верно?

Вероятность того, что тетки окажутся сноубордистками или лыжницами профи-класса, была очень мала, я ничем не рисковала. Но отреагировали они странно – переглянулись с довольным видом, склонились ко мне и наперебой зашептали:

– Что вы! Что вы! Это же сама Сильвана Фаринелли!

– Кто, простите? – Имя показалось мне смутно знакомым.

– Но как же! Певица! Знаменитая певица, в опере поет. Она в прошлом году к нам в Сургут приезжала, выступала в нашем театре оперы и балета.

– Серьезно? – Я попыталась представить даму в громадной шубе на фоне бурильных установок.

– Мы ходили ее слушать. Толик нам билеты купил, по пятнадцать тысяч каждый! – похвасталась младшая.

– Потрясающе! – Старшая закатила глаза к потолку. – Такой голос! Надо же, мировая знаменитость, а приехала к нам в Сибирь, не побрезговала.

– А чего ей брезговать? – резонно рассудила вторая. – Денежки ведь не пахнут. А есть всем хочется.

– Кстати, кормят здесь – закачаешься! – цокнула языком старшая.

– Лучше, чем в санатории в Пицунде, – выдала ее сестрица.

Я почувствовала, что начинаю уставать от назойливой парочки, когда одна из соотечественниц предложила:

– Кстати, давайте познакомимся. Нам еще Новый год вместе встречать.

С тоской я представила эту картину.

– Очень приятно. Евгения Охотникова.

– А мы Вострецовы, Лиля и Тамара!

Н-да, теперь я поняла, кого эти сестрички так напоминают. Типичные пионерки, которые приехали в летний лагерь и уверены, что найдут здесь множество новых подружек.

– А вы в каком номере живете? – поинтересовалась Тамара. – Знаете, вечерами здесь так одиноко. Может, в картишки перекинемся, а?

Старшая из сестер Вострецовых многозначительно подвигала бровями.

– А вот, кажется, и суп! – Я решила, что долг вежливости отдан, и отодвинулась подальше от общительных сестер.

Персонал «Шварцберга», помимо хозяина и Леона, состоял из двух поварих и официантки Агнешки, которая, как я поняла, исполняла еще и обязанности горничной. Две коренастые особы, с полными руками, красными щеками и носами пуговкой, ловко разливали суп, а хорошенькая Агнешка разносила тарелки и подавала приборы. Что ж, если в отеле даже в праздничные дни так немногочисленно, работы у всех не слишком много.

Меня вполне устраивало такое положение дел. В конце концов, я приехала сюда не ради общения, а для того, чтобы отдохнуть от людей. Хотя не могу не признать, что в «Шварцберге» все-таки чересчур мрачно. Просто не верится, что сегодня 31 декабря. Постояльцы сидят с постными физиономиями и чинно хлебают грибной суп.

Вероятно, все дело в том, что Новый год с размахом привыкли отмечать только у нас, а в Европе этот день не имеет такого значения. Здесь настоящим праздником считается Рождество, которое положено отмечать исключительно в кругу близких.

У нас с тетусшкой Милой как-то был забавный разговор на эту тему. Тетя всю жизнь преподавала в юридическом институте провинциального Тарасова, а большая часть этой жизни пришлась, понятно, на советские годы. Но под старость убежденная атеистка Мила, как многие в ее годы, начала задумываться о душе, как она это называла. Это-то еще полбеды, в конце концов, не вижу ничего плохого в том, чтобы человек, проживший добрых лет пятьдесят в

стране, где бытие определяло сознание, уделил немного времени противоположной точке зрения. Проблема в том, что Мила иногда принималась доставать этой темой меня.

Не то чтобы я была твердокаменной материалисткой, вовсе нет. Человек, совершивший сотню прыжков с парашютом, скорее всего, хоть раз подумал о том, что его ждет, если встречный ветер спутает стропы. Просто я считаю свои отношения с небом настолько личным делом, что не намерена их обсуждать даже с самым родным человеком.

Так вот, как-то я спросила тетюшку, почему, на ее взгляд, Новый год в нашей стране отмечают с таким размахом. Люди из кожи вон лезут, только бы устроить роскошный стол, даже если потом все длинные выходные придется сидеть на картошке с селедкой. Некоторые граждане пытаются съесть и особенно выпить столько, что диву даешься. У меня есть друг, работает фельдшером на «Скорой», так вот он каждый год ждет новогодних праздников с содроганием. Переедание, колики, гастриты, пьяные, выпавшие из окна, чудачки, подавившиеся записками в бокале шампанского, плюс жертвы пиротехники, куда же без них. В общем, в нашей стране Новый год встречают так, как будто это Судный день и завтра не наступит никогда.

Тетя объяснила этот феномен так. Дескать, после долгих лет в безбожии многие соотечественники вернулись в дохристианское, языческое состояние. Теперь они готовы на все, лишь бы задобрить неведомые силы, играющие их жизнями. Судьба, рок – назовите как хотите. Поэтому и закатывают грандиозные пиры, превышающие возможности кошелька и поджелудочной, поэтому пускают фейерверки, катаются с гор в нетрезвом состоянии, загадывают желания и верят: как встретишь Новый год, так его и проведешь...

Что ж, я далека от суеверий. Я не верю в судьбу и предопределенность, не верю, что мое будущее записано у меня на ладони или в камнях египетских пирамид. Даже в приметы я не верю. За свою бурную жизнь я переколотила с десятков зеркал, и ничего, жива пока.

Но сегодня и я, пожалуй, не отказалась бы от компании соотечественников. Только на один вечер, честное слово. Будь здесь русские, они давно бы перезнакомились со всеми, стали бы дразнить хозяина – заказывать экзотические блюда, каких нет в меню, и коктейли с немыслимыми названиями. Потом запели бы караоке, потом кого-то осенило бы, что пора пускать фейерверки, а еще кто-то решил бы скатиться по трассе на лыжах или сноуборде, хотя едва держался бы на ногах. Все закончилось бы сломанной ногой, рейдом санитарного вертолета и воспоминаниями на долгие годы. Нет, спасибо.

Пожалуй, даже к лучшему, что я встречу этот Новый год в компании сдержанных, холодноватых европейцев. Может, в моем возрасте пора уже присоединиться к большинству сограждан и поверить в приметы? И что, в самом деле год пройдет спокойно, мирно и без сюрпризов? Интересно было бы попробовать.

Только я успела все это подумать и усмехнуться собственным мыслям, как входная дверь распахнулась. На пороге возникли двое в черном, по габаритам вполне подходящие под определение амбалов. Кстати, *амбалы* – это портовые грузчики, если кто не в курсе. Но нет, эти ребята походили на кого угодно, только не на грузчиков. По-видимому, в последние лет десять они не держали в руках ничего тяжелее пистолета, если, конечно, не считать гриф от штанги в спортзале. Типичные телохранители из разряда «шкаф с проводком в ухе». Одинаковые черные куртки, темные очки. В этом маленьком отеле они выглядели так же уместно, как жираф в кроличьей клетке.

Но сами по себе эти типы не способны передвигаться, это я знаю твердо. Раз они здесь, значит, и охраняемый объект неподалеку. И точно – за спинами охранников виднелись еще какие-то люди. Двое амбалов просканировали пространство и с неожиданной грацией отступили, освобождая проход. В зал стремительно вошел мужчина в костюме-тройке. Рубашка ослепительной белизны, короткая шевелюра цвета соль с перцем, рубиновая булавка в галстук мерцает, как глаз альбиноса. Очки в металлической оправе стояли, вероятно, как мой автомо-

За правым плечом незнакомца маячила брюнетка, дамочка «слегка за сорок», тоже в темных очках – ни дать ни взять итальянская киноактриса. На даме была темная шуба до пола. Лицо казалось неподвижным и очень бледным, как серебряная маска. За левым плечом нового гостя виднелась блондинка, красotka в белоснежной шубке и сапожках. На мой взгляд, этому существу было пока далеко до совершеннолетия.

Прелестное дитя обвело присутствующих скучающим взглядом и выдуло огромный жвачный пузырь. Все как зачарованные смотрели на него, пока он не лопнул с тихим чмоканьем. Юная блондинка открыла прелестный ротик.

– Слушайте, нам обязательно здесь оставаться? Что это за уроды? Они мне не нравятся!

– Заткнись, Альбина, – сквозь зубы процедила брюнетка.

Надо ли упоминать, что обе дамы говорили по-русски?

Глава 2

Первым опомнился хозяин. Альдо Гримальди вышел из-за стойки, с достоинством поклонился и ослепительно улыбнулся новым гостям.

– Господа, добро пожаловать в «Шварцберг»!

Мужчина в костюме едва удостоил любезного хозяина взглядом. Он дернул щекой, как будто подмигнул, и выдавил с отвращением:

– Надеюсь, наши номера готовы.

– Разумеется! – еще ослепительнее улыбнулся хозяин. – Прошу за мной. Лучшие комнаты. Великолепный вид. Ортопедические кровати. Горячая вода прямо в номерах.

Мне показалось, что Гримальди слегка не в себе. Ничего удивительного: эта странная компания прямо-таки излучала опасность. Казалось, сам воздух в столовой сгустился. Мне даже почудился запах горелой изоляции.

Кто все эти люди? С телохранителями все ясно. Хотя в жизни не слышала, чтобы кто-то, пусть даже самый новый из новых русских, таскал за собой охрану на горнолыжные курорты. Любопытно, что за тело охраняют эти парни. Этот человек в стильных очках выглядел так, как будто его минуту назад выдернули с дипломатического приема.

А спутницы? Кто они, дамы из эскорта? Блондинка что-то чересчур молода.

Хозяин, не переставая бормотать что-то успокоительное, увел всю компанию наверх, в приготовленные для них номера.

Стоило этой группе покинуть столовую, как напряжение немедленно спало. Все задвигались, заговорили, послышался смех. Как будто на минуту влетела шаровая молния, покружила по комнате, но никого не убила и вылетела в окно. Уф, теперь понимаю, как нас воспринимают европейцы.

В этот момент дверь скрипнула еще раз, и на пороге появился мальчик лет шести в ярко-голубой курточке. Шапочку он снял и держал в руке. Было видно, что волосы у него светлые-светлые, как у пастушка на картинке, изображающей русскую деревню, а глаза синие.

– Ванечка, проходи, не стесняйся, – произнес мужской голос, и за спиной мальчика показался тип с нотной папкой. Я сглотнула. Что-то менее подходящее для горнолыжного курорта трудно было представить. Кстати, этот молодой человек, что вел мальчика, был единственным из вновь прибывших, кто пожелал поздороваться с присутствующими.

– Добрый вечер. – Он положил руку на плечо мальчика. – Иван, поздоровайся!

– Здравствуйте, – прошептал ребенок и опустил глаза.

Мужчина оглядел зал, полный незнакомых людей, и вежливо поинтересовался:

– Простите, а где мои спутники? И где наш любезный хозяин?

– Он повел их наверх, показывать комнаты! – высунулась Вострецова-старшая.

– Ванечка, пойдем, тебе нужно отдохнуть, – наклонился он к мальчику. Наверное, это гувернер. Ваня послушно затопал по лестнице.

Стоило мальчику с воспитателем покинуть столовую, как Вострецова-младшая немедленно взяла реванш у сестры. Она вытаращила глаза, навалилась грудью на стол и сообщила театральным шепотом:

– Знаете, кто это? Это же сам Кабанов! Дмитрий Юрьевич! – Никакой реакции не последовало. Лиля разочарованно обвела всех нас глазами и уже без всякой аффектации пояснила: – До неприличия богатый мужчина. Олигарх, знаете?

Окружающие снова не отреагировали. Постояльцы преувеличенно внимательно смотрели в свои тарелки. Лиля поняла, что никакого удовольствия от пересказа сплетен сегодня не получит, и сочла за лучшее вернуться к бифштексу.

Вернулся хозяин. Бедняга Альдо, он выглядел непривычно подавленным и тихим. Да, Дмитрий Юрьевич Кабанов умеет выбить человека из колеи. Кстати, многие богатые и влиятельные люди обладают такой способностью. Когда после их ухода беседуешь с персоналом, горничные и секретари обычно повторяют: «Он на меня взглянул, и у меня язык примерз, в горле пересохло, сердце затрепетало. Стою и слова сказать не могу!»

Альдо Гримальди оправился от потрясения не сразу. Он даже позволил себе украдкой плотнуть бренди – я видела это в зеркале над стойкой. Чем, интересно, так контузил нашего дорогого хозяина господин Кабанов? Никаких сомнений, этот Дмитрий Юрьевич – тяжелый и неприятный тип. Что ж, постараюсь держаться подальше от него и его странной семейки. Никто не может заставить меня общаться с людьми, которые мне несимпатичны. Хватит и того, что я постоянно сталкиваюсь с такими по работе.

Наконец хозяин порозовел и задышал нормально. Поправил шелковый платок на шее, откашлялся, дождался, когда все головы повернутся в его сторону, и провозгласил:

– Господа, вечером всех гостей ожидает приятный сюрприз! Приглашаю вас на вечеринку в честь Нового года. Семейная атмосфера, живая музыка и исключительный выбор напитков! Я немедленно дала себе слово, что ноги моей не будет на этом празднике.

Обед закончился в молчании. Белокурые арийцы быстро ушли к себе. Сестры Вострецовы попросили добавки. Я вернулась в номер, достала телефон и вышла в Интернет. Связь была неважной, сигнал неустойчивый. Наверняка дело в окрестных скалах, которые создают помехи. Пальцы дьявола, одно слово. К счастью, мне все-таки удалось открыть браузер и кое-что найти.

Дмитрий Юрьевич Кабанов, пятьдесят два года. В списке Forbes его нет, но человек достаточно состоятельный. Источник его богатства находится в Восточной Сибири. Или все-таки в Западной? Как бы там ни было, он владелец какого-то горно-обогачительного комбината, трех банков, парочки газет и одного телеканала. Плюс еще что-то там по мелочи.

До вечера я провалялась на кровати. Мышцы слегка ныли: тело отвыкло от таких интенсивных нагрузок. В последние годы мне нечасто приходилось вставать на лыжи. Ничего, десять дней в «Шварцберге», и я верну себе былую форму. Свежий воздух, движение, солнце. Ага, и труп в шкафу. А в придачу странная компания соотечественников, которым явно не место на курорте для экстремалов.

Мои мысли помимо воли то и дело возвращались к афганцу. Кем был этот человек? Кто и почему убил его и зачем тело подбросили именно в мой номер? А самое непонятное – куда делся труп? И кто стоит за всем этим?

Может быть, наш дорогой хозяин обнаружил рано утром бездыханного гостя, решил, что скандал нанесет непоправимый ущерб его заведению, и сам спрятал тело? В конце концов, что я знаю об Альдо Гримальди? Вдруг он не всегда был владельцем гостиницы. Кто знает, может, первую половину своей жизни Альдо провел в «Коза Ностра»?

Да и остальные постояльцы «Шварцберга» могут оказаться кем угодно. На первый взгляд все выглядят вполне невинно. Никого не заподозришь в способности совершить убийство. Однако кто-то же убил однорукого. Кто? Сестры-сплетницы Вострецовы? Белокурые арийцы, которые не умеют кататься на лыжах, но зачем-то притащились в «Шварцберг»? Оперная дива, которой здесь точно нечего делать? Ее худосочная дочка?

Что я знаю об этих людях? Сведений слишком мало, чтобы строить гипотезы. Мысли мои бродили по кругу, как стреноженные ослы, и мешали погрузиться в здоровый крепкий сон. Только поэтому я нарушила данное себе обещание.

Когда наступил вечер и в коридоре послышался голос хозяина, приглашающий всех на вечеринку, я встала, умылась, оделась и спустилась в зал.

Хозяин постарался на славу. Столовая была украшена электрическими фонариками и разноцветной мишурой, барная стойка засыпана скрипучим искусственным снегом, который

переливался под лампами, на абажуры навёрчен серпантин. В длинном вытянутом помещении стало светлее и уютнее. Как-то сразу вспомнилось, что за окнами зимний вечер, ледяной ветер сдувает снег с черных скал, а у нас здесь тепло и мирно.

Хозяин в белоснежной рубашке, бархатном пиджаке и при галстук-бабочке колдовал за барной стойкой. Батарея разноцветных бутылок выстроилась за его спиной. Юная Агнешка разносила закуски. За столиками, расставленными как в ресторане, восседали постояльцы, принарядившиеся для вечеринки.

Арийцы потягивали какие-то коктейли из высоких изогнутых бокалов, украшенных зонтиками и ломтиками апельсина. Синьора Фаринелли надела серебристое платье с открытой спиной – кажется, эта дама не испытывала ни малейшего смущения по поводу своей внешности. Тощая девица в кожаных брюках и кружевной, естественно, черной блузке с отворачиванием цедила что-то слабоалкогольное. Сестры Вострецовы сверкали одинаковыми платьями из блестящей дешевой материи, только у старшей оно было темно-зеленым, а у младшей – цвета весенней листвы, отчего сестры приобрели поразительное сходство с парочкой змей.

Немного портила картину веселья уже знакомая мне дылда-норвежка. Облаченная в вечернее платье с глубоким декольте и туфли на приличной высоты каблуках, мадам дефилировала по залу и заводила игривую беседу то с одной, то с другой компанией. Мне показалось, что ядовито-розовый коктейль в ее бокале был далеко не первым за вечер. Смешно, но модное платье совершенно не шло к ее спортивной фигуре. Кажется, в «Шварцберг» она приехала вовсе не ради лыж, а скорее ради охоты, так сказать, на крупного зверя. В штанах.

К большому удовольствию всех постояльцев, Кабанов и его спутницы не удостоили вечеринку своим присутствием. Мне показалось, хозяин тоже был рад этому обстоятельству. Зато пришел гувернер маленького Ивана – молодой человек с копной светлых волос и мальчишеской улыбкой.

Стоило мне войти в зал, как одну из таких улыбок он адресовал лично мне. Что ж, пожалуй, этот воспитатель – наименее неприятный здесь человек, а раз так, почему бы ему не составить мне компанию на этот вечер. Беседа с ним уж наверняка будет более содержательной, чем с нетрезвой норвежкой или сестрами Вострецовыми.

Я мило улыбнулась молодому человеку в ответ и присела за его столик.

– Привет! Вы верите, что как встретишь Новый год, так его и проведешь?

Гувернер заразительно рассмеялся.

– Наверное, как и все, я делаю вид, что не верю в приметы и не разделяю суеверий, но в глубине души... Знаете, ответ скорее будет «да».

Что ж, начало неплохое. Он не смутился, не стал нести что-то невразумительное, но и не повел себя как записной остряк. Ответ простой, искренний и честный.

– Меня зовут Сергей. Сергей Дубровский, – представился он. – А вас?

– Евгения Охотникова. Вы состоите в свите Дмитрия Кабанова?

Тень недовольства скользнула по его лицу. Сергей поморщился.

– Давайте сразу обозначим границы. Я не стану обсуждать своего работодателя и его личные дела, хорошо?

Я пожала плечами:

– Правду сказать, меня несколько не интересуют личные дела незнакомых людей. А если совсем честно, сегодня вечером я пришла в бар с единственным намерением – как следует надраться и отлично провести время.

Дубровский рассмеялся. Смех у него тоже оказался приятным.

– Тогда позвольте составить вам компанию, Евгения!

– А где же ваш мальчик? – поинтересовалась я. – Вы уже уложили Ванечку?

Молодой человек удивленно уставился на меня:

– Вы принимаете меня за няньку?

– Извините, – я слегка смутилась. – Но разве вы не гувернер?

– Я учитель музыки, – улыбнулся Сергей.

Точно, днем в руках у моего нового знакомого была папка с нотами. Неужели и на отдыхе ребенка заставляют заниматься музыкой?

– Дело в том, что Иван – вундеркинд, – пояснил Дубровский. – Ему нужно играть каждый день, иначе теряется беглость пальцев.

– Вундеркинд?

– Как Моцарт, – кивнул Сергей. – Раннее развитие особенно важно для музыканта. Думаю, в будущем его ждут лучшие концертные залы. А теперь, если не возражаете, сменим тему, ладно?

– Вам запрещено обсуждать ребенка и работодателя по условиям контракта? Или это просто неприятно?

– Ни то, ни другое, – развел он руками. – Знаете анекдот – «станки, станки»? Приходит на пляж девушка легкого поведения...

В этом месте мой собеседник смутился и умолк. Все-таки мы были едва знакомы. Неизвестно, как я отнесусь к скабрешному анекдоту. Историю на тему «приходит проститутка на пляж» я знала давно – анекдот был, что называется, с бородой. Я с доброжелательным интересом смотрела в глаза нового знакомого. Интересно, то, что молодой человек пытается рассказать мне неприличный анекдот, свидетельствует ли о том, что он испытывает ко мне чисто мужской интерес?

– Ладно, не важно, – махнул рукой учитель музыки. – Просто представьте, приходите вы... Кстати, кто вы по профессии?

– Фитнес-тренер! – сладко улыбнулась я. Совершенно не собираюсь выдавать случайному знакомому свою подлинную биографию. А профессия тренера объясняет многое – мою спортивную фигуру и хорошую физическую подготовку.

– О, отлично! Приходите вы, к примеру, на выставку...

– Ван Гога? – невинно поинтересовалась я.

– Не обязательно. Или в театр. Приходите, чтобы отдохнуть и развлечься. И вдруг к вам подходит человек и заводит разговор о жимах лежа, количестве подходов и степ-платформах. Понравится вам такой поворот событий?

– Ладно, я все поняла. Давайте выпьем, Сергей?

Собеседник с готовностью закивал.

Я махнула рукой, подзывая официантку. Раскрасневшаяся Агнешка в белой блузке, с растрепанными кудряшками подскочила к нам.

– Мне порцию вашей фирменной граппы, пожалуйста, – попросила я. Гулять так гулять! Пью я крайне редко, но нельзя же провести всю ночь со стаканом лимонада!

Когда мне принесли выпивку, Сергей покосился на мой стакан и попросил:

– Мне то же самое.

Мы чокнулись и выпили.

– Бр-р! – сказал учитель музыки. – Крепкая штука!

– Фирменная, – пояснила я. – Альдо заказывает ее в Италии.

– Вы бывали здесь раньше? – удивленно приподнял брови Дубровский. – Так сказать, завсегдатай этого милого, но мрачноватого заведения?

– Нет, я здесь впервые. Но мне настоятельно рекомендовали фирменную граппу господина Гримальди!

Сергей рассмеялся и откинул со лба прядь светлых волос. Я обратила внимание на его изящные ухоженные пальцы. Конечно, тот, кто воспитывает маленького Моцарта, будущую звезду, должен следить за руками.

– А вы уже бывали в «Шварцберге»? – в свою очередь спросила я.

Учитель музыки покачал головой:

– Что вы, мне это место не по карману. Я всего год работаю на господина Кабанова, так что здесь я впервые. Пожалуй, мне здесь нравится. Особенно радует эта обманчивая простота – думаю, она обошлась нашему дорогому хозяину в солидную сумму.

Мы переглянулись и расхохотались.

Я позвала Агнешку и повторила заказ. Мой собеседник присоединился ко мне.

– Прозит! – сказал Сергей.

– Лехаим! – выдвинула я ответный тост.

Мы чокнулись и выпили. Настроение у меня стремительно улучшалось. Сейчас «Шварцберг» уже не казался мне мрачным. Удивительно уютный отель с истинно семейной атмосферой!

Я поманила нового знакомого пальцем. Когда он склонился ко мне над столом, я тоном заговорщика спросила:

– Сергей, скажите, вам ничего здесь не кажется странным?

Дубровский огляделся. Вечеринка была в самом разгаре.

Играла музыка. Хозяин священнодействовал над бутылками. Агнешка так и летала по залу, разнося напитки. Из кухни восхитительно пахло жареным мясом. Дылда-норвежка присела за столик к арийцам и о чем-то увлеченно с ними беседовала. Семейство Фаринелли потягивало через соломинки что-то ярко-зеленое – мать с видимым удовольствием, а дочка – точно кошка, лакающая микстуру. Сестры Вострецовы наперегонки метали закуски, не забывая стрелять глазами в поисках интересного.

– Странным? – приподнял брови музыкант. – Не знаю, как выглядит это место обычно, но снег на барной стойке, на мой взгляд, это уже перебор. Да и серпантина многовато. И очень жаль, что здесь нельзя курить.

– Внимание, господа, внимание!

Хозяин сообщил, что ровно через пятнадцать минут гостей ждет сюрприз. Я предложила Дубровскому выйти на свежий воздух, мы накинули куртки и вышли на террасу. Музыкант предложил мне сигарету и дал прикурить. Мы облокотились на перила. Было так темно, как никогда не бывает в городе. Там всегда есть какие-то источники света – фонари, световые рекламы. А здесь только белый снег, черное беззвездное небо. Оранжевый свет падал на снег из окон горного приюта, а остальной мир был погружен в темноту, тишину, мороз. Сигаретный дым и пар от нашего дыхания клубился в воздухе.

– Как странно встречать Новый год вот так, высоко в горах, среди незнакомых людей, – вдруг негромко произнес Дубровский.

– Да вы просто читаете мои мысли! – поразилась я. – Вечно мы жалуемся на то, что устали от цивилизации, от шума и бессмысленной суеты, но ничего не делаем для того, чтобы изменить положение. А когда оказываемся в таком вот месте, на краю мира, чувствуем себя крайне неуютно.

– Я бы не назвал Швейцарию «краем мира», – усмехнулся Сергей, – но в целом я понимаю, о чем вы. Да, жителя больших городов пугают тишина, покой и величие этих гор. Начинаясь задумываться о вечном.

– Ага, и сразу лезут мысли на тему «что-то мы неправильно живем», – кивнула я.

– Что ж, хотя бы что-то в этом мире еще способно заставить нас задуматься над этим, – тихо проговорил Дубровский.

Да, учитель музыки вовсе не прост. Честно признаться, я не привыкла вести такие разговоры с малознакомыми людьми. Но с Сергеем такая тема почему-то казалась естественной. Мы переглянулись и одновременно рассмеялись.

– Пойдемте в тепло, вы совсем замерзли, – предложил новый знакомый, и мы вернулись к остальным. Как раз вовремя – гости «Шварцберга» уже начали обратный отсчет: «десять, девять, восемь, семь...»

Мы с Дубровским присоединились к другим, гадая, что бы это могло быть. До полуночи еще оставалось порядочно времени.

Наконец на счет «ноль» свет в зале погас. На середину выскочил Леон с зализанными набок волосами и вытаращенными глазами. Подросток заметался, но потом, видимо, вспомнил инструкции хозяина и распахнул обе створки двери, ведущей в кухню. Оттуда в зал вплыла свинья. Точнее, увесистый поросенок с долькой лимона во рту покоился на подносе, который держали в могучих руках обе швейцарки. Вокруг свинки торчали бенгальские огни, они горели, рассыпая молочно-белые искры.

Признаю, это было красиво. Гости разразились аплодисментами и приветственными криками. Свет зажегся снова, польщенный хозяин раскланивался, прижимая руку к груди.

Поросенка водрузили на стол, хозяин вооружился жуткого вида ножами. И вскоре уже все гости получили тарелки с ароматным мясом.

Потом подали штрудель, затем кофе. Когда заиграла музыка и хозяин предложил милым гостям потанцевать, я поняла, что это просто жизненно необходимо. Сергей думал точно так же – учитель музыки сразу же вскочил и галантно протянул мне руку. Ничего, что я была выше на целую голову, – новый друг танцевал неплохо. Мы скользили по залу в приглушенном свете, и я думала о том, какие странные сюрпризы преподносит порой судьба. У нас в стране Новый год – семейный праздник, все стараются встретить его с близкими людьми. Мой единственный близкий человек – тетушка Мила. Чем бы я ни была занята, где бы я ни находилась, Новый год я стараюсь встретить с ней. И вот я вдали от дома, в странной, но симпатичной компании. Музыка убаюкивала, мы вальсировали – не очень умело, но достаточно элегантно, особенно по сравнению с другими гостями. Казалось, волны музыки несут нас. Я закрыла глаза и склонила бы голову на плечо партнера, если бы он не был ровно на голову ниже меня.

Перед моими закрытыми глазами почему-то предстал полигон. А, да, помню – это первый год моего обучения в «Сигме». Мы только что выдержали довольно жесткие отборочные тесты и теперь до невозможности гордимся собой. Мы – это десять девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех. Я самая младшая. Восемнадцать мне исполнилось в сентябре, и я очень этому рада. Будь я несовершеннолетней, меня ни за что не допустили бы к испытаниям.

Испытания, тесты, соревнования – это то, что я так люблю в жизни. Да, знаю, для девушки это не совсем типично – в моем возрасте полагается мечтать о принце на белом коне, в крайнем случае о карьере в престижной фирме. Но меня, Женю Охотникову, вынуждает скучать все то, что заставляет часто-часто биться сердца моих ровесниц.

Может быть, все дело в том, каким человеком был мой отец?

Генерал Максим Охотников всегда мечтал о сыне. Но у его жены было больное сердце, и после первого ребенка – девочки – врачи запретили ей рожать. Думаю, отец так и не смирился с этим. Наверное, поэтому он воспитывал меня не совсем так, как принято воспитывать девочек.

Мы жили в районе Владивостока. Отец служил в Дальневосточном военном округе. Карьеру он начинал на отдаленных полигонах. Мое детство прошло в военных городках. Иногда мы жили в таких местах, где, кроме солдат-срочников, офицеров и служебных собак, не было никого. Порой мы месяцами не видели незнакомого лица. На сотни километров простиралась тайга. По широкой реке проходила граница. Ее мы должны были охранять. Я упростила отца подарить мне щенка. Он долго держался, говорил, что это не положено. Но я уже лет в шесть умела вить из него веревки. Щенок был толстый и глупый. Я назвала его Львом. На льва он походил очень мало – скорее, на сардельку. Больше всего он любил поесть как следует и поспать в тепле у печки. Но я поставила себе задачу – сделать из него служебную

собаку. Выпросила нашего кинолога, как правильно дрессировать служебного пса, и с упорством одержимого принялась обучать беднягу.

Отец в самом начале предупредил, что если мне не удастся к Новому году сделать из Льва послушного, хорошо выдрессированного пса, то с ним придется расстаться. И я старалась – кормила по часам, зажимая глаза и сжимая зубы, чтобы не поддаться на жалобный визг, когда мой пограничник выпрашивал печеньку. Часами учила выполнять команды. Наматывала по пятьдесят кругов вокруг казармы с щенком на поводке. Пыталась натравить Льва на кошку нашего повара.

Думаю, если бы Лев оказался хоть чуточку более обучаемым, хоть немного пригодным к службе, то мне удалось бы сделать из него что-то стоящее. Но бедный щенок был выбракован за полную непригодность, о чем я, конечно же, не знала. Отец подарил девочке живую игрушку. Но я не хотела играть. Я хотела охранять границу вместе с верным другом – моей собакой.

Отец наблюдал за мной, улыбаясь в усы. Мама кусала губы. Однажды ночью я проснулась оттого, что родители ссорятся.

– Ты понимаешь, что ты травмируешь ребенка? – шепотом кричала мама.

– Я желаю ей только добра! – отвечал отец.

– Максим, пойми, она девочка! Ей надо в куклы играть. А она спрашивает, когда ты возьмешь ее с собой в патрульный обход!

– Девочке, милая моя, тоже пригодится быть сильной.

– Ты просто никак не можешь меня простить, что я так и не смогла родить тебе сына.

– Ну, ну, дурочка моя. Не надо, не плачь.

Мама принималась рыдать, а отец ее утешал. Они были хорошей парой.

От психологической травмы расставания со Львом меня спасло то, что отца перевели на другое место службы – с повышением. Теперь мы жили в военном городке. Я даже испугалась, увидев так много новых лиц, но скоро привыкла. У меня появилась подружка – Саша. Может быть, ее родители тоже хотели мальчика?

Вместе мы провели много восхитительных летних дней, ползая по заброшенным дзотам, собирая чернику и стреляные гильзы. Однажды мы забрались на полигон, где мой отец проводил учения. Это был один из самых веселых дней моей жизни – прекрасно помню, как солдатики гонялись за нами, пытаясь удалить мелюзгу с полигона, а мы, тощие и ловкие, уворачивались и прятались, давясь от смеха. Эх, и досталось же мне вечером от отца!

Время шло, отец получал очередное звание, и мы перебирались все ближе к городам. В пятый класс я пошла уже во Владивостоке.

Спустя много лет я поняла, как сильно мама любила отца, чтобы согласиться вести такую суровую жизнь. Она была врачом, и для нее всегда находилась работа в гарнизонах.

Отец сам занимался моим воспитанием. Поднимал в шесть утра, чтобы мы успели сделать зарядку до того, как он уйдет на службу. Учил подтягиваться на турнике и крутить «солнце». Именно он, в нарушение всяческих инструкций, дал мне первые уроки стрельбы. Выучил нырять с аквалангом в бухте и ловить морских ежей. Отхлестал меня по щекам, застав с сигаретой. Запер на две недели дома, когда я, не спросив разрешения, в пятнадцать лет сделала татуировку на голени.

Уже в старших классах школы стало ясно – со мной надо что-то делать. Думаю, я была для родителей кошмаром. Я была абсолютно лишена страха, крайне самоуверенна и не привыкла задумываться о последствиях. Привыкла добиваться всего, чего захочу. И не привыкла сдерживать свои желания. В шестнадцать лет я завела роман с красавцем-подводником. Когда отец объяснил ему, сколько мне лет, подводник поспешно ушел в рейс, на глубину, и больше я его не видела. Потом я увлеклась экстримом. Скейтборд и акваланг, тарзанка и прыжки на батуте. Я обследовала все высотки в городе с компанией таких же жадных до приключений парней и девчонок.

В общем, когда я окончила школу, родители вздохнули с облегчением. Посовещались и решили, что меня нужно отправить куда-нибудь подальше от родного Владика, который становился мне тесноват.

Таким местом стала Москва. А точнее, Ворошиловка – высшее учебное заведение для девушек. Моя специальность называлась «секретарь-референт, переводчик», но на самом деле все было куда интереснее. Конечно, можно было ограничиться карьерой переводчицы в МИДе, но при наличии желания и способностей перед выпускницами Ворошиловки открывались куда более богатые возможности.

На третьем курсе я получила предложение пройти тесты для стажировки в отряде «Сигма». Отбор был жестким, но я его прошла. Физические нагрузки никогда меня не пугали. Насколько серьезным был отбор, можно судить хотя бы по тому, что после него двух девушек из числа забракованных отвезли в больницу. Одну со сломанной ногой, а другую с нервным срывом.

Так что мы, десять девушек, прошедших отбор, могли по праву гордиться собой. В те далекие времена я свысока поглядывала на людей, у которых бывают нервные срывы. У меня, Жени Охотниковой, ничего подобного быть не может.

В тот день на полигоне нас ожидала полоса препятствий. Мы должны были взбираться на конструкции, имитирующие жилые здания, прыгать из оконных проемов, ползти по бетонным туннелям. Значит, мы отработывали выживание в городских условиях.

Я помню, что именно тогда из нашего небольшого отряда выбыла еще одна девушка. Очень заносчивая особа, мы с ней все время соперничали. Инструктор сказал, что одной из нас придется перейти в другую группу, что мы мешаем нормальному тренировочному процессу. Уйти должна была та, что проиграет, так что полосу мы проходили на время. Помню, как инструктор с секундомером в руках поджидал нас в конце полосы препятствий.

Я выиграла. Та девушка ушла, опустив голову, и больше я ее никогда не видела. Я всегда выигрывала – по крайней мере, в свои восемнадцать. Прошло несколько лет, прежде чем я поняла, что это не главное.

Почему я вспомнила о «Сигме»?

– Все-таки вы не ответили на мой вопрос, Сергей, – я прервала сладкое оцепенение. – Вам ничего не кажется странным?

– О чем вы говорите, Евгения? – Мой партнер вздрогнул и словно бы очнулся. Видимо, и его убаюкала приятная медленная сладкая музыка.

– Вас не удивляет хотя бы количество соотечественников на квадратный метр швейцарской земли?

Я обвела глазами зал.

– Из двадцати с чем-то присутствующих десять – русские. Не считая нас с вами, это вон те сестры в зеленом, семья Кабановых и их телохранители.

– Не вижу в этом ничего необычного! – пожал плечами Дубровский. – Сейчас в любой стране мира можно встретить россиян. У наших соотечественников появились деньги, вот они и путешествуют по миру. Хотите еще выпить?

Вечер завершился самым приятным образом. Галантный кавалер проводил меня до двери моего номера (признаюсь, я слегка покачивалась) и пожелал спокойной ночи.

Что ж, если примета насчет встречи Нового года верна, получается, меня ждут неплохие триста шестьдесят пять дней! Я проведу их в обществе обаятельного мужчины, в тепле и сытости! С этими приятными мыслями я отправилась спать.

Ночь и в самом деле прошла на удивление спокойно. Утром я с опаской открыла шкаф – но там было пусто. Я перевела дух и принялась одеваться.

Погода стояла превосходная. За окном светило солнце, «Шварцберг» прямо-таки купался в ослепительном блеске свежевывающего снега. Я спустилась в столовую. Длинное помещение с рядами столов выглядело как обычно – ни малейшего следа вчерашнего веселья.

Из постояльцев присутствовали только сестры Вострецовы – с томным видом поедали овсянку. Хозяин раскладывал на столах какие-то листки. Я попросила крепкий кофе и присела за столик, от нечего делать взяла один из стопки. Это была местная газета, всего из двух листков. Печаталась она небольшим тиражом в городке неподалеку, а распространялась, похоже, по окрестным деревням и отелям. Очаровательно старомодно – в наш век Интернета, когда новости успевают устареть через тридцать секунд после появления!

Первая полоса содержала подробный прогноз погоды и сводку о лавиноопасности. Вторая предлагала историческую справку о кантоне, в котором мы находились. В ожидании кофе я прочитала ее очень внимательно. Что ж, прогресс налицо, молодцы, швейцарцы, так держать! На четвертой полосе я обнаружила астрологический прогноз. Изучила и его – так, на всякий случай. В гороскопы я не верю – так же, как и в приметы, но ведь интересно же! Моему знаку звезды сулили непредвиденные проблемы, встречу с неизведанным. В заключение авторы гороскопа советовали надеяться исключительно на свои силы и не унывать. Спасибо за совет, конечно, но я ведь и без непрошенных рекомендаций так поступаю. А вот полоса номер три – то есть первая сторона второй странички – меня заинтересовала. В газетке писали, что в этих краях скрывается Леодегранс – знаменитый международный аферист, обманувший полицию многих стран. Поиски преступника ведутся вот уже вторую неделю. Этот тип – международный аферист высокого полета – выдает себя за подростка, меняет внешность. Полиция даже толком не знает, мужчина это или женщина. Возможно, под маской Леодегранса скрывается молодая девушка. Или юноша. На это указывает мастерское обращение с современными техническими средствами. Известно только, что след преступника предположительно ведет в один из горных отелей и что при себе у него драгоценности на несколько миллионов – последняя добыча. Ничего себе! На закуску автор заметки советовал местным жителям проявлять бдительность и напоминал, что за поимку преступника объявлена награда – полмиллиона евро.

Так-так, очень интересно. А что, если именно я буду тем человеком, кому повезет? Если именно я передам полиции неуловимого Леодегранса? Пол-лимона мне вовсе не помешают!

Хотя совершенно непонятно, как это можно быть бдительным, если неизвестно, как злодей выглядит? Даже непонятно, мальчик он или девочка. А вдруг этот самый международный аферист остановился именно в нашем отеле?

Потягивая ароматный кофе, я забавлялась, прикидывая, кто из постояльцев «Шварцберга» может оказаться Леодегрансом. Официантка Агнешка? А что, если она никакая не студентка, приехавшая сюда подзаработать? В «Шварцберге» ее никто не знает.

Или дочка госпожи Фаринелли? Впрочем, это вряд ли. Оперная дива мирового уровня не станет покрывать преступницу.

А может быть, это юная спутница господина Кабанова – та, что в белой шубке?

Или младшая из сестер Вострецовых? Изумрудный браслетик на ее тощей руке явно не подделка, непонятно только, зачем везти с собой драгоценности на горнолыжный курорт и тем более надевать их к завтраку.

Я подозвала хозяина и поинтересовалась:

– Скажите, вы что-нибудь слышали об этом Леодегрансе?

Альдо отмахнулся:

– О, это просто позор для нашей полиции. Они ловят этого мошенника и все никак не могут поймать!

– Может быть, они его попросту выдумали? – предположила я, – ради повышения туристического рейтинга?

Судя по всему, наш милый хозяин был начисто лишен чувства юмора. Он всесторонне обдумал мое предположение и с серьезным видом покачал головой:

– Не думаю. Наша полиция не позволяет себе такого.

Я склонилась к Гримальди и доверительно проговорила:

– У вас наверняка есть собственное мнение относительно этого преступника. Как вы полагаете, он может скрываться в «Шварцберге»?

Добрейший хозяин оглядел пустой зал, затем так же доверительно, вполголоса произнес:

– Думаю, он ушел на лыжах через перевал в сторону Италии. Граница там охраняется куда хуже, чем у нас. К тому же в Италии легко затеряться – там сейчас столько иностранцев, беженцев и всяческих мигрантов.

– А мне кажется, Леодегранс может быть здесь, среди нас, – продолжала я розыгрыш. Дразнить человека без чувства юмора – одно удовольствие!

– Ну что вы! – успокаивающим жестом вскинул руки Альдо. – Я веду тщательную регистрацию гостей «Шварцберга». Обязательно прошу документы, заносу информацию в компьютер. Готов по первому требованию предоставить ее полиции. Мне не нужны неприятности!

– А они бывали?

– Кто? – не понял Гримальди.

– Неприятности, – тихо пояснила я. – В таком красивом месте, как «Шварцберг», уже были неприятности с законом?

Хозяин отстранился и внимательно посмотрел мне в лицо. Он не побледнел, не покраснел, ни один мускул не дрогнул на его щеке, и ни на йоту не переменялось расположение добродушных морщин. Просто что-то изменилось в глазах.

– Почему вы спрашиваете, фройляйн Охотникова?

Ох, Евгения! Ну почему, почему ты не можешь держать язык за зубами? Зачем тебе понадобилось дразнить любезного хозяина? Теперь он будет относиться к тебе недоверчиво, и ты и слова из него не вытянешь!

Честно сказать, я завела этот разговор неспроста. Хотела узнать, где Гримальди хранит информацию о постояльцах. Мне представлялась толстенная книга в потемневшем от времени переплете, а оказалось, и до «Шварцберга» докатился прогресс.

Так, нужно срочно что-то придумать, чтобы развеять неблагоприятное впечатление. Пусть Альдо считает меня любопытной и глупой туристкой, лишь бы не догадался относительно моих настоящих планов...

– Понимаете, я боюсь преступников, – проговорила я озабоченно и закончила, понизив голос почти до шепота: – Дело в том, что у меня при себе крупная сумма денег. Наличные, понимаете? Я была уверена, что у вас безопасно. И вдруг узнаю, что здесь орудует преступник международного уровня.

Не знаю, поверил ли мне хозяин, но лицо его осветилось понимающей улыбкой:

– О-о, об этом можете не волноваться! Наличные вы положите в сейф. Высокий класс защиты, очень надежно. Ни один преступник не сможет его открыть.

– Благодарю, наконец-то я смогу спать спокойно! А мы можем сделать это прямо сейчас?

– Разумеется, – расплылся в улыбке хозяин. – Пройдемте в контору.

– Тогда я быстренько! Только схожу к себе в номер за деньгами!

Я поднялась к себе. Никакой крупной суммы наличными у меня при себе, разумеется, не было. Так, необходимая мелочь. Деньги я храню на картах. Поэтому я взяла конверт с логотипом «Шварцберг» и видами отеля и набила его нарезанной на части газетой с описанием международного преступника. Конверт я аккуратнейшим образом заклеила. Теперь никто не мог бы сказать, что там внутри – на ощупь плотная бумага, и все. От денег не отличить.

Я спустилась в «контору» – закуток у выхода, где у хозяина помещалась стойка с ключами, радио, по которому круглосуточно передавали прогноз погоды, и, как оказалось, ком-

пьютером со сведениями о постояльцах. Контора закрывалась подобием дверцы по пояс высотой на металлический замок. Сейф оказался вполне современной конструкции, он был вделан в стену над конторкой и был снабжен несколькими уровнями защиты. Во всяком случае, хозяин довольно долго ковырялся, чтобы его открыть.

Я внимательнейшим образом проследила, чтобы мой конверт с резаной бумагой был помещен на полочку. Мельком я успела разглядеть, что в сейфе лежали какие-то коробочки и конверты – драгоценности и деньги других гостей отеля?

Я поблагодарила Альдо и заверила, что теперь моего отдыха ничто не нарушит.

– Сегодня отличная погода для лыж! – жизнерадостно заметила я. – Не пойти ли мне покататься?

– Отличная мысль! – поддержал меня хозяин. – Кстати, хочу вас предупредить о местных причудах погоды. До обеда у нас обычно солнечно и тепло, потом либо налетает ветер со снегом, либо снизу из долины поднимается туман. Так что, если не хотите потерять хороший день для катания, поспешите!

– Конечно-конечно, только выпью еще чашечку кофе, – сказала я и направилась в столовую. В моей голове уже был готов план действий. Теперь мне нужно только одно – чтобы кто-нибудь ненадолго отвлек нашего милого хозяина.

Долго ждать мне не пришлось – сверху послышался раздраженный голос господина Кабанова. Дмитрий Юрьевич был чем-то недоволен и не считал нужным скрывать свое раздражение. Резкий голос российского миллионера разносился по всему отелю. Хозяин поспешил вверх по лестнице, торопясь погасить конфликт в зародыше.

Я выждала, пока Альдо поднимется по лестнице, и воровато огляделась. Времени у меня было немного, поэтому я попросту перепрыгнула через загородку, не тратя времени на возню с замком. К счастью, Гримальди не стал выключать компьютер – экран послушно засветился небесно-голубым, когда я тронула клавиши. На то, чтобы разобраться в примитивной учетной системе «Шварцберга», у меня ушла еще одна драгоценная минута. Мои пальцы так и порхали по клавишам, как у пианиста-виртуоза. И – вот оно! Номер второй. Именно в нем жил убитый, это я знала точно. Интересно, в реестре господина Гримальди убитый значился как Карим Парвиз Шад. А вовсе никакой не Саша.

Напротив этого длинного имени в следующей графе значилось, что господин Шад выехал из отеля днем тридцать первого декабря. Вранье! Вечером тридцатого этот тип клеился ко мне в баре. Утром тридцать первого его труп выпал из шкафа в моем номере. Чуть более поздним утром я стащила его по лестнице и усадила на высокий стул у барной стойки, откуда он таинственно исчез еще до завтрака. Так что съехать тридцать первого днем он ну никак не мог!

Это означало одно – наш любезный хозяин либо собственными руками прикончил постояльца, либо был в сговоре с тем, кто совершил это злодеяние. И в том, и в другом случае «Шварцберг» больше не может рассчитывать на звание «милого уютного отеля». Место, где постояльцам угрожает опасность, милым уж точно не назовешь.

Я прислушалась. Успокаивающий голос хозяина доносился сверху, господин Кабанов что-то злобно возражал ему. Пока Гримальди не видит, я успею исследовать самое сердце его владений.

Дверь, ведущую вниз, в подвальные помещения, я запомнила еще в прошлый раз, когда хозяйский племянник Леон водил меня на ознакомительную экскурсию. Она оказалась заперта, но механический замок для меня не преграда. Вот современные электронные штучки, которые могут оказаться умнее тех, кто пытается их взломать, – это да, это стало бы проблемой. А так – повозившись пять минут, я проникла на запретную территорию. Вспыхнул голубоватый свет, и я начала спуск по ступеням, ведущим куда-то в глубину горы, на боку которой был выстроен «Шварцберг».

Ступени оказались вполне современными, зловещего скрипа не издавали, паутина не касалась моего лица, и все-таки мне было не по себе. Казалось, будто за мной наблюдают чьи-то глаза. Интересно, в «Шварцберге» водятся привидения? Какие-нибудь погибшие альпинисты, лыжники или сноубордисты? Наверняка за время существования отеля хоть кто-нибудь свернул себе шею на здешних сложных трассах. Впрочем, призраков я не боюсь. Люди куда неприятнее.

Внизу коридор разделялся надвое – направо располагались кладовые, прекрасно помню свиные туши, свисающие с потолка в снежной изморози. А вот налево... туда Леон меня не водил. Я бросила быстрый взгляд через плечо. Конечно, никто за мной не следил, но ощущение чужого присутствия не исчезало. Решительно отбросив сомнения, я зашагала по коридору, который, плавно изгибаясь, уводил куда-то вглубь горы. Интересно, это сколько же стоило пробить такой туннельчик в прочном каменном основании? И куда тянется этот проход?

Ответ я получила скоро – коридор уперся в серебристо-стальную дверь. Я даже присвистнула – настолько неправдоподобно выглядела эта суперсовременная штукавина в тоннеле под горой. Замок на двери был электронный. Очень навороченная модель. Я даже не стала пытаться испробовать на нем свои таланты юного взломщика. Не хватало еще переполошить весь «Шварцберг»! А такое обязательно случится, едва завоет сигнализация. Кто знает, что произойдет тогда? Вдруг на шум примчится хозяин отеля с ружьем наперевес? Или с ножом, к примеру? И попытается заткнуть рот не в меру любопытной русской туристке. Ведь господина Шада прикончили именно в этом уютном отеле.

В общем, я не стала брать штурмом неприступную твердыню с электронным замком, а потихонечку ретировалась. Не люблю отступать, но также не имею и привычки таранить лбом стены. Наносит урон красоте, знаете ли.

Я заметила его случайно – просто что-то блеснуло в проеме под лестницей. Я уже поставила ногу на первую ступеньку, но тут же вернула ее обратно. Наклонилась и увидела рюкзак, потрепанный рюкзак, который кто-то спрятал в темном укромном месте. Если бы не блеснувшая металлическая пряжка, я бы просто прошла мимо. А тут я осторожно потянула за ляжку и извлекла на свет то, что оказалось багажом пропавшего афганца Саши. В том, что вещь принадлежит убитому, я ни секунды не сомневалась.

Осторожно потянув «молнию», я убедилась в своей правоте. В рюкзаке лежали сложенные как попало – явно засовывали второпях – мужские вещи. Посмертное имущество господина Шада состояло из поношенного свитера, двух пар носков сомнительной чистоты и паспорта гражданина США на имя Карима Парвиза Шада. С фотографии на меня смотрело лицо, которое я видела всего дважды в жизни – один раз вечером в баре. Второй – уже мертвым, на полу моего номера. «Афганец» Саша.

Итак, я была права, а хозяин лгал.

Только странно, почему господин Гримальди так небрежно спрятал рюкзак убитого – Альдо, которому известны самые укромные уголки гостиницы, мог бы укрыть багаж покойника так, чтобы его никогда не нашли. А тут, под лестницей, место, конечно, укромное, но далеко не Форт-Нокс.

Получается, однорукий вовсе не мой соотечественник! Хорошо, что я не успела позвонить в консульство, как собиралась.

В этот момент я услышала звук, от которого холод продрал меня вдоль позвоночника. Тихое, деликатное покашливание раздалось за моей спиной. Как это я не услышала шагов? Как могла допустить, чтобы кто-то подкрался ко мне сзади?

Я подтолкнула рюкзак подальше в тень и медленно обернулась, готовая к любым неожиданностям. И с облегчением перевела дыхание.

Передо мной стоял Леон. Парнишка таращился на меня близорукими глазами и моргал. Я бросила взгляд на обувь подростка. Кроссовки с мягкой подошвой, неудивительно, что я не слышала шагов!

– Доброе утро, фройляйн Евгения! – неразборчиво пробормотал племянник хозяина. – А что вы тут делаете?

Я поспешно натянула на лицо милую улыбку:

– Понимаешь, я заблудилась. Помнишь, мы с тобой уже гуляли здесь однажды? Я решила повторить прогулку, но только одна я никак не могла найти дорогу. Ты мне поможешь? Покажешь, куда идти?

Леон поднял глаза и смерил взглядом лестницу, у подножия которой мы стояли. Лицо подростка выразило чувство глубокого превосходства над женщиной, которая заблудилась в трех соснах.

– Пожалуйста, фройляйн! Вам туда!

И мальчик ткнул пальцем в горящую над головой надпись «Выход».

– Спасибо, дружок! – я потрепала парнишку по щеке (к чему он остался совершенно равнодушен). Мне удалось незамеченной проскользнуть к себе в номер. Что ж, утро я провела с пользой! А теперь, пожалуй, можно и на трассу, а то мое отсутствие среди остальных гостей «Шварцберга» вызовет подозрения.

На открытой холодным ветрам площадке, где начиналась трасса, собрались все гости господина Гримальди. Возле деревянных перил я заметила даже семейство Кабановых – исключительно в черном, как семейка Адамс из старого фильма. И телохранители за спиной. Ой, не могу, только бы не засмеяться! А то неудобно получится.

И сестры Вострецовы были здесь – кутались в новенькие шубы и то и дело стреляли глазами в сторону миллионера и его семейки.

А посмотреть было на что. Сам Дмитрий Юрьевич орлиным взором изучал окрестные горы. Его супруга то и дело морщилась, не снимая темных очков. Юная спутница русского богача стрекотала по-немецки с одним из «арийцев». Учитель музыки мягко журил Ванечку за то, что тот не хочет надевать перчатки и рискует застудить пальцы. Телохранители мерно шевелили челюстями, видимо, гоняя за щеками жвачку. В темных непроницаемых очках вид у них был угрожающий и одновременно забавный. На фоне слепяще-белого снега их черные куртки, подбритые затылки и каменные челюсти выглядели неуместно.

Мне стало интересно, на что так внимательно смотрят гости «Шварцберга». Я подошла и облокотилась на перила.

– Нет, вы только гляньте, что вытворяет! – с осуждением в голосе проговорила старшая из сестер Вострецовых.

Я заметила, что сестры держатся особняком – в беседы с остальными гостями не вступают, гуляют парочкой. Может быть, дело было в языковом барьере? Младшая из сестер немного говорила по-английски – на уровне средней школы, но понять все-таки можно. А вот старшая никаких языков, кроме русского, не знала. И еще у меня создалось впечатление, что сестры слегка стесняются. Шубы и чемоданы у них были дорогие, но отчаянно новые. Мне показалось, что за границей Вострецовы в первый раз. Видимо, не всегда они могли позволить себе отдых в Швейцарии и изменения в лучшую сторону случились в их жизни совсем недавно.

– Взрослая женщина, а туда же, – поддакнула младшая. – И ведь не боится шею сломать.

Я взглянула вниз и поняла, к кому относились замечания вредных сестричек.

На боковой трассе, предназначенной для сноубординга, выделялась дылда-норвежка. В ярко-алом комбинезоне, без шлема, дамочка широкими плавными зигзагами вспарывала снег. Короткие рыжие волосы спортсменки трепал ветер. Внимание публики явно нравилось норвежке – она то и дело отвлекалась от катания, чтобы замереть в эффектной позе и бросить взгляд на столпившихся на площадке людей.

Что ж, в мастерстве норвежке не откажешь – каталась она отлично. Трасса была сложноватой – как для фрирайда. Хозяин явно не утруждает себя тем, чтобы обработать и уложить снег ратраком – специальной машиной. Снег под доской норвежки представлял собой типичный «пухляк» – нетронутую целину. Но дамочке это не мешало. Она была настолько уверена в себе, что даже защитой не пользовалась! Доска у норвежки была ярко-желтая, разновидности «ласточкин хвост» – с раздвоенным хвостом и широким носом. И владела ей бордерша исключительно умело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.